

Мотив инициации в рассказах А. Платонова

Е. А. КАЗАКОВА

В основе «детской» прозы А. Платонова лежит принцип, который многие исследователи называют мифологизмом Платонова (Полтавцева Н., Михеев М., Карасев Л., Костов Х., Баршт К.). Обращение к мифологии – часть его философии, мировосприятия. Платоновский мифологизм ориентирован на неизменные и вечные начала мышления, на изначальные, архетипические константы человеческого и природного бытия – дом, дорога, вода, детство, старость, любовь, смерть и т.п., и таким образом он созвучен общему пафосу мифологизма XX века, который, по определению Е. Мелетинского, заключается «не только и не столько в обнажении измелъчания и уродливости современного мира, сколько в выявлении неких неизменных, вечных начал, позитивных или негативных, просвечивающих сквозь поток эмпирического быта и исторических изменений» [1]. Платонов использовал мифологию как своеобразный фонд, подобный языковому, из которого он черпал образы и символы, создавая особый код, предназначенный для более точного выражения и одновременно сокрытия авторской позиции. Этому служит и мотив инициации в рассказах 30-50-гг., который является объектом данного исследования.

Актуальность исследования обусловлена тем, что если образ ребенка в прозе Платонова рассмотрен достаточно широко, то логически соотносимый с ним мотив инициации практически не затрагивался исследователями. В обширной литературе, посвященной творчеству А. Платонова, нет работ, «детально» рассматривающих мотив инициации.

Цель исследования: рассмотреть мотив инициации в рассказах Платонова 30-50-ых годов, а также определить, насколько полисемантивен, идейно значим этот мотив, как с его помощью формируется рецепция читателя, открываются новые перспективы познания.

Представители мифологической школы (К.Г. Юнг, М. Элиаде, Дж. Кэмпбелл, Дж.Фрейзер) основательно изучили вопросы, связанные с обрядом инициации. На современном этапе исследователи активно разрабатывают мотив инициации в фольклоре (Р. Ефимкина, А.Жилко, Ю. Сидоров, А.В. Платов и др.), а также в творчестве отдельных писателей (Н.Р. Скалон, Э. Надточий, Я. Кротов, А.К. Жолковский).

В мировой антропологии существует уникальное понятие «обряд перехода». Это определенные ритуальные, подчас мистически окрашенные действия, выполненные как над отдельным человеком, так и над группой лиц или даже целыми культурами, в целях трансформации личности, ее духовного перерождения, обеспечивающего переход на более высокий уровень функционирования.

В культурологии обряд инициации мыслится как *качественный переход* испытуемого из одного состояния в другое, как "смерть" для старой жизни и "рождение" для новой – уже в новом качестве. Обряд инициации включает в себя три этапа: 1) разрыв неофита с его окружением и его последующую изоляцию; 2) прохождение ритуальных действий, наделяющих посвящаемого новым статусом и сакральными знаниями; 3) возвращение к общественной жизни в новом статусе [2]. Традиционно рассматриваемый как обряд вступления в совершеннолетие в подростковый период, впоследствии, после утраты первоначального значения, обряд инициации обнаруживает себя уже на раннем этапе человеческого бытия – в детстве, которое, несомненно, соотносится в культурфилософской традиции с архаической картиной мира. «Детство» в мифологии и художественном творчестве, по мнению Юнга, имеет непосредственную связь с обращением мифов к истокам, а также с первоначальным бессознательным, инстинктивным состоянием коллективной психики. Именно в этом смысле данный

мотив и реализуется в произведениях А. Платонова, что, несомненно, является отличительной чертой его творчества.

«Ранняя инициация» у Платонова обусловлена историческими факторами. Ситуация того времени складывалась таким образом, что герой-ребенок Платонова уже в пятилетнем возрасте готов пройти все этапы обряда посвящения. Превращению ребенка в самостоятельную личность, несущую ответственность за свои поступки, предшествует акт самосознания, когда герой начинает отделять себя от других, в особенности от взрослых [3]. Фраза, оброненная машинистом паровоза в адрес Васи, одиннадцатилетнего мальчика, героя рассказа «Корова», говорит о нем, как о состоявшейся личности, то есть уже прошедшей все этапы обряда: «Он с малолетства уже полный человек, а у него еще все впереди...» [4, с. 675]. Полнота и совершенство человеческой индивидуальности, пребывающей в единственной и неизменной центральной точке, откуда человек сможет затем подняться к высшим состояниям – те качества, которые полностью конституируют мотив инициации, в более точном смысле, определяемом этимологией этого слова, которое повсеместно означает «второе рождение» или «духовное перерождение».

Для героя рассказа «Семен» жизненная ситуация складывается таким образом, что ребенок вынужден оставить детское пространство. Смерть матери заставляет старшего семилетнего Семена занять ее место: «– Давай я им буду матерью, больше некому. Тогда Семен взял с табуретки материно платье, капот, и надел его на себя через голову» [5, с. 95]. Такие же обстоятельства создаются и в рассказе «Возвращение», где показан Петрушка – «малорослый и худощавый мальчуган», похожий «на маленького, небогатого, но исправного мужичка». «– Ты отец, что ль? – спросил Петрушка, когда Иванов обнял его и поцеловал, приподнявши к себе. – Знать, отец!» [4, с. 630]. Главный герой платоновского рассказа «Корова» Вася соотносит с собой роль взрослого человека и преподает «настоящим взрослым» уроки ответственности, организованности и безупречного знания серьезной техники. «– Поставили другую посуду для песка? – спросил Вася. – Поставили: маленькую песочницу на большую сменили! – ответил машинист. – Насилу догадались, – сердито сказал Вася» [4, с. 679]. Вася и машинист словно меняются ролями.

Этот «взрослый» уровень самосознания у крестьянских детей сравнительно недавнего прошлого связан с тем, что у них «в детстве не было детства»: они слишком рано вступали в период взрослости, где основная деятельность уже не игра, а труд. «Семилетний ребенок весь долгий летний день своей жизни был занят работой: он заботился о двух братьях, еще более маленьких, чем он» («Семен») [5, с. 85]. «В избе и на всём дворе оставался хозяином один Никита, пяти лет от роду» («Никита») [4, с. 688]. По утверждению Л.В. Карасева, «за таким взглядом на ребенка стоит драма реальности, сначала послереволюционной, затем военной и послевоенной, но явственно проступает здесь и внутренняя исходная потребность в изображении детей именно такими. Они нужны, чтобы «уравновесить» мир взрослых, похожих на детей и виноватых в немалой мере в том, что благодаря их детскости существует мир «мелких людей» – детей, похожих на взрослых» [6]. Перед читателями дети, уже прошедшие этапы посвящения. Но мотив инициации не маркирован в этих произведениях, он домысливается читателем, который сам восстанавливает пропущенное звено, те этапы обряда, которые сознательно опущены автором. Эти смысловые лакуны пробуждают своеобразную активность читателя – не только сочувствие и сопереживание, но и домысливание, адаптация к современным условиям.

В рассказах «Никита», «Железная старуха» выделить мотив инициации позволяет соотнесенность со сказочным компонентом, инициатические темы здесь очевидны. В этих рассказах обряд инициации Платоновым четко соотносится со сказочной композицией, благодаря которой ребенок в раннем возрасте безболезненно проходит все этапы инициации, приближенные в культурологическом аспекте к реальности, а не к вымыслу. Благодаря близким сказочным образам происходит плавный, щадящий переход от сказочной простоты к философии и онтологии, от сказки к правде жизни. Согласно концепции В.Я. Проппа, именно сказка в переосмысленном виде отражает обряд инициации. В инициатическом действе по-

что всегда можно выделить три характерные стадии, и все они представлены в произведениях Платонова.

Первый этап связан с подготовкой и созданием соответствующей психологической обстановки, вынуждающей испытуемого покинуть привычное для него окружение и отправиться в незнакомое место, так как обряд должен проводиться за границами знакомого пространства. Реализацию данный обряд находит в постоянном у Платонова мотиве пути, который приводит героя ко второму этапу, собственно «процедуре» испытания, которое должно обязательно осуществляться в «мифологизированном пространстве потустороннего мира». Здесь иницируемые приобретают важнейший опыт, который достигался путем переживания смерти (часто сон) в человеческом состоянии. Структура «обряда перехода» совершенно такая же, как и структура переживания смерти, за которой следует последующее возрождение в новом, сверхчеловеческом качестве, присвоение нового имени, социальная фиксация нового статуса и даже психологическая разгрузка соотносятся с заключительным этапом обряда.

Герой одноименного рассказа Никита отправляется в путь, чтобы «теперь узнать то, чего он не знал». Поэтому Никита «пошёл далее во двор и пришёл в сарай, где стояла в темноте пустая бочка». В соответствии с концепцией В.Я. Проппа, происходит перемещение героя в потусторонний мир – пограничный период инициации. В роли границы реального и потустороннего миров в рассказе выступает пустая бочка. Пустота в данном случае предстает как образ небытия, отсутствия и в то же время может рассматриваться как порождающее бытие, амбивалентность образа подчеркивает соотносительность с этапами перехода: «жизнь – смерть – возрождение». О том, что Никита успешно прошел все этапы обряда, свидетельствует инструмент, полученный от отца, который был для ребенка своеобразным свидетельством его взросления. Никите уже недостаточно приобщаться к жизни взрослых в игре; его возможности переросли игру. Отсюда его желание делать самому то, что взрослый считает серьезным – трудиться. «Никита задумался. – Давай все трудом работать, и все живые будут» [4, с. 695]. Ребенок на подсознательном уровне понимает то, что способен принести человеку бессмертие. Платонов здесь отходит от традиционного представления об инициации как о возрождении через смерть, предлагая свой вариант приближения к «вечной жизни» – труд.

Маленькому Егору из рассказа «Железная старуха» на первом этапе никто не может помешать в его неукротимой жажде познания тайн бытия, в его стремлении «дознаться до всего». Он уходит в путь, подобно сказочным героям, отправлявшимся в тридцатое царство, чтобы узнать: «что там ночью, кто старуха?». Символично в данном случае место, где Егор встречает Железную старуху: овраг – место, где обрывается земля (вспомним яму, в которую спускаются в большинстве сказок, отправляясь в тридцатое царство). В инициации переход в загробный мир эквивалентен смерти. В рассказе смерть предстает в образе Железной старухи, которая являет себя как квинтэссенция и прообраз всех страхов: «Она по оврагам ходит, траву ищет, сухие кости гложет, а когда кто помрёт, она рада, она хочет одна остаться на свете, и всё живёт, всё живёт, всё хочет дожидаться, когда все помрут и будет одна она ходить, железная старуха» [4, с. 666]. Егор одерживает победу над Железной старухой благодаря своей необъяснимой детской смелости, приобретая при этом новое качество — «борец»: «Мать задумалась, потом она опустила Егора на землю и посмотрела на него, как на чужого» [4, с. 669]. Ребенок прошел обряд посвящения, о чем говорит новое его восприятие матерью: он — «чужой». Таким образом, дети учатся добиваться цели, преодолевать импульсивные желания, что делает их поведение осмысленным и осознанным, словно у взрослых.

«Настоящую» инициацию, наиболее соответствующую традиционным представлениям как об обряде, связанным с переходом подростков в возрастную группу взрослых, у Платонова проходит Костя, герой повести «В прекрасном и яростном мире». Он переживает соответственно возрастным особенностям переход от юношества к самостоятельной жизни: семнадцать лет – время, благоприятное для совершения возрастной инициации.

На наличие инициатического мотива перехода, косвенно связанного с путешествием, указывает образ паровоза, который предстает своеобразным средством, с помощью которого герой попадает в потустороннюю реальность, где, соответственно, и должно проходить

предназначенное ему испытание: «Но тогда моя машина — пасть, в которой может исчезнуть вся вселенная в мгновение, принять в ней новый образ, который еще и еще раз я пропущу через спирали мотора». Проводником в «том» мире становится Мальцев, который осуществил только физический переход, но Платонову важно, в первую очередь, духовное перерождение, способность в дальнейшем передать полученные знания новому поколению. И поэтому Мальцев остается в промежуточном месте. Его связь с потусторонним миром отмечена автором непосредственно в тексте: «Он чувствовал свое превосходство перед нами, потому что понимал машину точнее, чем мы, и он не верил, что я или кто другой может научиться тайне его таланта, тайне видеть одновременно» [4, с. 477] совершенно разные вещи. Это подтверждают слова В.Я. Проппа о том, что «обряд посвящения был школой, ученьем в самом настоящем смысле этого слова. При посвящении юноши вводятся во все мифические представления, обряды, ритуалы и приемы племени. Исследователи высказывают мнение, что им здесь преподносится некая тайная наука, т. е. что они приобретают знания» [7].

Моментом рождения нового человека становится катастрофа. Паровоз оказывается мчащимся навстречу верной гибели, за которой должна последовать смерть людей, а затем перерождение и новая жизнь. Костя проходит это испытание и получает новый статус: «На следующее лето я сдал экзамен на звание машиниста и стал ездить самостоятельно на паровозе серии «СУ». Кроме этого, Костя совершает «качественный переход» от незрелого и неуверенного в себе юноши к мужчине, ответственному и решительному: «Я решил не сдаваться, потому что чувствовал в себе нечто такое, чего не могло быть во внешних силах природы и в нашей судьбе, я чувствовал свою особенность человека» [4, с. 486]. Именно через инициацию прививались многие базовые морально-культурные ценности, которые предстояло усвоить молодому человеку к моменту вступления в полноправные члены традиционного общества – удача, слава, доля, добро, зло, сила и многие другие.

В функционировании мотива инициации присутствует сюжетная линия, связанная с образом Мальцева. Он нарушает строгие правила обряда и результатом непройденной инициации, выступает тот факт, что Мальцев все еще остается в одиночестве в этом потустороннем мире, так как выйти из мира мертвых просто так нельзя, нужно переродиться. В результате крушения герой-машинист получает травму: он ослеп. Слепота здесь выступает как символ спуска в ад, связана с пребыванием в мире мертвых. И здесь происходит смена ролей: уже Костя готов вести Мальцева через повторное испытание: «← Завтра в десять тридцать я поведу состав. Если будешь сидеть тихо, я возьму тебя в машину». В результате мир, который станет для него сферой развития возможностей высшего порядка: «я вижу свет» (свет как высшая божественная инстанция); «духовное перерождение» — поскольку оно восстанавливает это героя в правах «← Веди машину до конца, Александр Васильевич: ты видишь теперь весь свет!» Таким образом, Мальцев переживает своеобразный цикл духовной инициации, необходимый для выполнения этой работы.

Для Платонова духовная инициация, состоящая в прозрении героя, имеет огромное значение, так как обретение зрения вместе с обретением способности управлять паровозом (обретение сознания) влечет за собой воскресение, «новое рождение». И Костя уже «боялся оставить его одного, как родного сына» [4, с. 489]. Отличительной особенностью Платонова является реализация мотива инициации как духовного возрождения человека.

Важно, что ориентация на мифологический (сказочный) сюжет, на устойчивые образы-архетипы, жанровый синкретизм произведения – обязательная составляющая успеха произведения у детей. В этом случае мотив инициации выступает как авторская интенция, так как художественный образ не только отражает некоторую социальную и психическую реальность, но и выражает мысли и чувства автора, направленные на активную сотворческую деятельность читателя. Соучастие – это один из ключевых терминов духовной и мировоззренческой позиции Платонова. Важно побуждать читателя не просто выслушать, запомнить, зафиксировать информацию, важно вместе с читателем двигаться по рельефу высказываний, помогать ему осваивать мысль, наполнять изложенную мысль собственным содержанием, на это направлены такие механизмы деятельности читателя, как актуализация, идентификация, конституирование смысла.

Таки образом, мы пришли к следующим выводам.

1. Выявление инициации на уровне мотива методологически значимо для раскрытия идейно-аксиологического смысла рассказов А. Платонова.

2. Мотив инициации позволяет реконструировать скрытый мифологический уровень, воссоздать архетипические представления, а также доказать важность инициатического процесса в становлении личности человека.

3. Рассмотрение детских рассказов А. Платонова доказывает, что мифологический мотив претерпевает культурологические изменения, но остается в скрытом виде одной из конституирующих черт образа.

4. Инициация служит одним из средств в первичной социализации, способствуя вхождению нового поколения в человеческое общество, имеет немалую ценность и в качестве элемента творческого поиска, «высвобождающего сознание из-под гнета стереотипов». В обряде посвящения формируются все стороны личности ребенка, происходят значительные изменения в его психике, подготавливающие переход к новой, более высокой стадии развития.

Объем статьи, к сожалению, не позволяет раскрыть все механизмы читательского со творчества с автором и постижения скрытого содержания, открывающего путь к познанию авторской концепции и объективной истины.

Abstract. The paper considers the motive of initiation essential for A. Platonov's children prose and determines its functional importance. The motive of initiation broadens the ability of understanding Platonov's stories and enables to speak about the reconstruction of the ancient rite of initiation in the artistic world of A. Platonov.

Литература

- 1 Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. – Москва, 1976.
- 2 Элиаде, М. Священное и мирское. – М., 1994.
- 3 Скалон Н.Р. Будущее стало настоящим. – Тюмень: ИПЦ «Экспресс», 2004.
- 4 Платонов, А.П. Повести и рассказы. – Л.: Лениздат, 1985.
- 5 Платонов, А.П. «Семен» // Платонов А.П. У человеческого сердца: Рассказы – М., 1981.
- 6 Карасев, Л.В. Знаки покинутого детства («постоянное» у Платонова) // Вопросы философии. – 1990. №2.
- 7 Пропп, В.Я. Исторические корни волшебной сказки. – Ленинград: ЛГУ, 1946.